

УДК 171:172

ГЕОРГИЙ ДЕРЛУГ'ЯН,
Нью-Йоркский университет Абу Даби

Социальная эволюция человечества: западный и советский модернизационные опыты

Аннотация

В статье предпринимается попытка проследить историческое становление форм социальной власти, их подрыв, подъем и последующие трансформации на примерах разных исторических и культурных цивилизаций, включая советскую. Автор в своем оригинальном мультидисциплинарном подходе, объединяющем современные исторические, культурно-антропологические и социологические исследования, актуализирует анализ исторической эволюции таких базовых институтов, как семья, частная собственность и государство. Такая историко-социологическая интерпретация позволяет объяснить становление современной мир-системной доминанции Запада не только лишь Веберовским тезисом о протестантском “духе капитализма”, но и более сложными институционально-историческими аргументами. Российская (а позже советская) империя, а также Япония — два случая нарушения логики западной мир-системной центральности. Эти исключения достигнуты ценой собственной внешне агрессивной исторической модернизации этих двух империй.

Ключевые слова: социальная эволюция, власть, государство, капитализм, модернизация, современная мир-система, эгалитаризм

ГЕОРГІЙ ДЕРЛУГ'ЯН,
Нью-Йоркський університет Абу Дабі

Соціальна еволюція людства: західний і радянський модернізаційні досвіди

Анотація

У статті здійснено спробу простежити історичне становлення форм соціальної влади, їх підлив, піднесення й подальші трансформації на прикладах різних історичних і культурних цивілізацій, включно із радянською. Автор у своєму оригінальному мультидисциплінарному підході, що об'єднує сучасні історичні, культурно-антропологічні та соціологічні дослідження, актуалізує аналіз історичної еволюції таких базових інститутів, як сім'я, приватна власність і держава. Така історико-соціологічна інтерпретація дає змогу пояснити становлення модерної світ-системної домінації Заходу не тільки Веберіанською тезою про протестантський "дух капіталізму", а й складнішими інституційно-історичними аргументами. Російська (а пізніше радянська) імперія, а також Японія — два випадки порушення логіки західної світ-системної центральності. Цих винятків було досягнуто ціною власної зовнішньо агресивної історичної модернізації цих двох імперій.

Ключові слова: соціальна еволюція, влада, держава, капіталізм, модернізація, сучасна світ-система, егалітаризм

GEORGY DERLUGIAN,
New York University of Abu Dhabi

The Social Evolution of Humankind: Western and Soviet Experiences of Modernization

Abstract

Basing on the examples of various historical and cultural civilizations, including the Soviet one, the author attempts to trace the historical becoming of the forms of social power, their undermining, recovery and subsequent transformations. The author's original multidisciplinary approach combining modern historical, cultural-anthropological and sociological research actualizes the analysis of the historical evolution of such basic institutions as the family, private property and the state. This historical-sociological interpretation makes it possible to explain the formation of modern world-system domination of the West not only by the Weberian thesis about the

Protestant “spirit of capitalism”, but also by more complex institutional historical arguments. The Russian (and later Soviet) empire and Japan are two cases of violating the logic of the Western world-system centrality. The exceptions of these two empires are achieved at the cost of their own outwardly aggressive historical modernization.

Keywords: *social evolution, the power, the state, capitalism, modernization, modern world-system, egalitarianism*

Оставим до поры Ленина и Сталина с их идеологией, планами, достижениями и преступлениями. Вместо этого будет продуктивнее и интереснее совершить экскурс по истории становления форм социальной власти, их подрыва, отмирания и возникновения каких-то новых форм. Процесс этот протекает на протяжении всего существования человеческого рода. Около восьми-девяти тысяч лет назад происходит скачок с появлением сельского хозяйства и затем первых цивилизаций. Эволюция ускоряется в последние два-три столетия, или в эпоху “модерна”, до поистине революционных темпов. И этот процесс не завершается ни сегодня, ни в ближайшем будущем. Социальная эволюция, вероятно, будет продолжаться, пока существует само человечество. Таким образом, прежде чем разбираться с революцией, поговорим о длительной эволюции человеческих обществ.

Одно не противоречит другому, в чем меня убедили двадцать лет преподавания в различных американских университетах обзорных курсов — с утра — по социологии революций, после ланча — по мир-системному анализу, от первых цивилизаций до наших дней. Подобный режим побуждает выработать ясные объяснительные схемы. Преподавание, как и красное вино, все-таки полезно в умеренных дозах. Здесь я попытаюсь, по необходимости конспективно и импрессионистично, обрисовать место, которое занимает в длительной социальной эволюции человечества всем известная серия событий и трансформаций XX века, которые по справедливости следовало бы именовать “Советской революцией”, поскольку они происходили на территории Советского Союза и были связаны с конкретной организацией власти, которую и ее участники, и противники называли советской.

Начать придется очень издавна — с палеолита и древних цивилизаций. В дальней эволюционной перспективе становится возможным более ясно и ответственно оценивать достижения, трагедии и парадоксы исторической тенденции к восстановлению человеческого равноправия, из которой растут все революции эпохи модерна.

Возникновение семьи, частной собственности и государства

Интересно, сколько читателей сегодня узнают название этой некогда очень известной работы Фридриха Энгельса? Читателей же с советским опытом отбывания курсов по научному коммунизму оно скорее всего заставит поморщиться. Лично у меня из памяти не идет отставной полковник Сумбатян, начинавший семестр в МГУ с предупреждения: “Вы думали, научный коммунизм это вам халам-балам? Я вам покажу, что это не фунт изюма!” Понятно, почему нашей любимейшей “подпольной” книгой были “Похождения бравого солдата Швейка”. Это не просто ностальгическое воспо-

минание. Военщина, тотальная слежка и гипербюрократизация, о которых так весело и одновременно пророчески умудрялся писать Ярослав Гашек еще в самом начале XX века, составят важную часть нашего анализа.

И тем не менее, Энгельс оказался прав или в основном прав. Согласно новейшим теориям и данным палеоантропологии, выходит, что, скорее всего, именно труд и изготовление орудий труда сделали из обезьяны человека.¹ Сложнее (но и интереснее) обстоят дела с пресловутыми промискуитетом и матриархатом среди множества стратегий размножения приматов. Серьезной корректировке сегодня подвергается типичный для антиклерикального XIX века афоризм о якобы “бессилии дикаря перед природой”, породившем веру в богов, чертей и чудеса. (О роли религии чуть ниже). Наконец, уже само название работы Энгельса направляет внимание исследователя на три ключевых института, которые, казалось бы, только и изучать сегодня в нашем районе мира, когда с полуобвалом государства на нас просто обрушилась роскошная в своей неприглядности эмпирика о сохраняющейся важности семьи (или Семьи, клана) в интригах и схватках за установление частной собственности на обломках бывшей казенной. Но поразительнее всего, что находит новое подтверждение тезис Энгельса о первобытном коммунизме.

Чем отличается человек от обезьяны? Очевидно, уже тем, что начиная с самых ранних питекантропов, или как теперь принято говорить, прямоходящих, “эректусов”, наш род раз за разом выходит (иногда даже отплывает на чем-то) за пределы своей изначальной экологической зоны и осваивает множество новых зон с климатом и ресурсами, разительно отличающимися от тропического леса и саванны, где так и остались пастись практически все прочие приматы. Столь необычная приспособляемость едва ли заложена в нас генетически. Те же плоты для пересечения рек и проливов, овладение огнем, изготовление арсенала орудий из камня, кости и дерева, рыболовные сети и крючки относятся к области знания, которое надо было изобрести и передать другим. Это точно из области социального. Так чем именно группа первобытных людей отличалась от стаи обезьян?

Во второй половине XX века, на самом деле совсем недавно, развернулись систематические наблюдения за коллективным поведением различных сообществ приматов, прежде всего наиболее близких нам шимпанзе и горилл. Интеллектуальная история этого дела просто напрашивается на деконструкцию дискурсивных практик и доксилогических представлений самих ученых и их общественной аудитории. Если вначале, в послевоенные 1950-е и особенно в “хипповые” 1960-е годы человекообразные обезьяны рисовались воображению как “почти люди”, добродушные могучие увальни вроде Кинг Конга или счастливые дети природы, то с наступлением неолиберальных 1970-х на передний план выходят внутривидовая конкуренция, эгоизм, коварство, драки самцов и прочие неприглядности вплоть до убийств и каннибализма. Социальный дарвинизм возродился тогда с эпатажной откровенностью. Только в последние годы формируются более вни-

---

¹ Прочтя на английском множество литературы о всевозможных питекантропах и неандертальцах, с полной ответственностью рекомендую как лучший на сегодня, на любом языке, популярный синтез [Дробышевский, 2017].

матерные к поведенческому разнообразию и сбалансированные научные обобщения, избегающие антропоцентричного уподобления обезьян человеку.¹

Сообщества лемурув и обезьян практически всегда имеют более или менее строгую иерархию по критериям пола, возраста и элементарной физической силы и размера — от изолированно живущих в джунглях счастливых супружеских пар гиббонов до жесткого диктата в ордах клыкастых и задастых павианов. Так что нет никаких оснований считать, будто социальная организация первобытных людей могла быть совершенно свободной от иерархии. Однако работающий в данном направлении антрополог Кристофер Бём (ранее известный прекрасным исследованием кровной мести у черногорцев и, кстати, друг и соавтор приматолога Франса де Валя) выдвинул неожиданную гипотезу — первобытный человек отличался от всех приматов тем, что переворнул свою социальную иерархию с ног на голову [Boehm, 2001]. Если это и не было революцией в современном смысле слова, то по крайней мере означало революционный скачок в биосоциальной эволюции.

Иерархия среди архаических людей в принципе никуда не делась, но она оказалась буквально перевернутой в пользу рядового большинства, отныне коллективно довлеющего над альфа-индивидами, то есть почти наоборот относительно социальной структуры у шимпанзе и горилл. С какого-то времени (когда именно — это отдельный вопрос) первобытные группы вырабатывают нормы поведения, поощряющие равенство доступа к ресурсам (прежде всего пище и продолжению рода) и предотвращающие их отнимание силой, по крайней мере среди своих. Этнографические наблюдения в сохранившихся до недавних дней группах охотников и собирателей выявляют среди них целый набор коллективных санкций против нарушителей правил общежития (“безбилетников” или фри-райдеров, как выражаются экономические теоретики игр), начиная с критического подшучивания и высмеивания до бойкота, временного изгнания из группы и даже коллективного убийства во сне особо опасных доминантных забияк.

О первобытном коммунизме, насколько мне известно, больше никто не говорит. Однако авторитетный австралийский философ науки Ким Стерельны недавно предложил термин “кооперативное заготовительство” (cooperative foraging) для обозначения социальной эволюционной адаптации, позволившей ранним людям отделиться от обезьян и расселиться по всем континентам [Sterelny, 2012]. Это означает совместное добывание пропитания из самых разнообразных источников — все, что съедобно, от всяких корней, орехов, грибов и злаков до морских и речных ракушек и ракообразных, всевозможных мелких птиц и зайчиков, а не только мамонтов и бизонов, которых забивать, свежевать и затем перетаскивать кусками по необходимости выходили самые дюжие индивиды (причем, судя по некоторым переломам на костях неандертальцев, как мужчины, так и некоторые женщины). И всей этой добычей непременно надо было делиться с сородичами, чтобы матери могли сохранять и выкармливать потомство и чтобы затем старики могли передавать знания детям. Среди останков архаических гоминид воз-

---

¹ См. работы ведущего приматолога и талантливого популяризатора Франса де Валя: [де Валь, 2016].

растом около 1,8 миллиона лет, обнаруженных после 1991 г. в грузинском местечке Дманиси (слава богу, несмотря на все, что тогда творилось на Кавказе), найден череп беззубого и явственно одряхлевшего питекантропа-старика, а возможно старухи. Ведь кто-то ей/ему годами приносил и жевал пищу, в то время как для любого дикого животного, включая обезьян, потеря зубов от старости гарантированно означает голодную смерть.

Здесь также возникает новое (или забытое и переосмысленное старое) объяснение феномена религии. Признаки ритуальной деятельности (а также, задумайтесь, танца и ритмической музыки) обнаруживаются как минимум начиная с Верхнего палеолита и, уж конечно, во всех без исключения человеческих сообществах, известных нам исторически и этнографически. Что-то древнее и важное стоит за такой культурной универсалией. Заслуженные американские антропологи Кент Фланнери и Джойс Маркус считают, что религиозные представления возникали из все того же переворота в социальной иерархии первобытного человечества [Flannery, Marcus, 2012]. Духам, тотемным животным и богам достались почетные места идеальных альфа-самцов и самок, вознесенных из состава группы в потусторонний мир. Усопшим предкам было отведено почетное второе место посредников и заступников. Таким образом в самом первобытном коллективе понижается конфликтность по поводу верховных позиций, которые по определению не даны никому из ныне живущих. Не менее важен стабилизирующий эффект ритуального освящения семьи и брака, как и всех пунктов жизненного цикла людей.

Но как тогда быть с фараонами и всевозможными императорами с их гаремами жен и наложниц и претензиями на статус живого божества? Это уже совсем другая история обществ, ранее именовавшихся классовыми. В антропологии ныне принято более общее и политкорректное название “сложные общества”, хотя суть в принципе та же самая.

Одомашнивание человека человеком

Социальная власть, извините за тавтологию, становится возможна там, где ее можно установить — где люди не смогут разбежаться или сопротивляться, и где есть, что у них отбирать и концентрированно накапливать. Первобытные группы охотников и собирателей по необходимости всегда были малыми (не более 30–35 человек) и подвижными на больших территориях. Если претендентов в фараоны не удавалось унять или укокошить, то в крайнем случае можно было самим куда-то откочевать. Да и взять с первобытных людей было особенно нечего, поскольку бродячая группа все свое носила с собой. Периодически где-то могли возникать ситуации монопольного владения какими-то особенно продуктивными угодьями, например рекой, по которой на нерест идет лосось, но это редкость, и не слишком устойчивая. Частная собственность возникает с производящим хозяйством, прежде всего с началом регулярной культивации растений и содержания домашних животных. Сперва и достаточно долго, несколько тысяч лет, это собственность домохозяйств, которые вкладывают свой нелегкий труд в поля и курочек-овечек-поросят, чтобы заполнить свои закрома. Это четко видно археологически — появляются дома с амбарами и целые деревни.

Также появляются первые следы оборонительных укреплений и набеговых войн.¹

Сегодня становится до боли очевидным, что история аграрных и скотоводческих обществ есть история социального неравенства, вначале гендерного (с появлением дома появляется и подчиненный женский домашний труд), а затем и классового. Йельский политолог-аграрник Джеймс Скотт, написавший книги с такими замечательными названиями, как “Моральная экономика крестьянина”, “Оружие слабых” и “Благими намерениями государства: Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни”, только что опубликовал новый интеллектуальный бестселлер, в английском названии которого заложена трудно переводимая игра слов — “Против течения”, что также можно прочесть как “Против зерновых: сокровенная история ранних государств” [Scott, 2017]. Да, зерновые сделали возможным прокормить на порядок большее количество ртов, хотя, как правило, не очень сытно. Одно дело после охоты поест шашлыка из дичи с добавлением дикорастущих трав — и другое дело горшок пресной каши на все семейство, хорошо, если с солью, и, скорее всего без всякого масла. Но хуже того, крестьянин не может быть мобилен, он связан землей и хозяйством. Деревенский образ жизни и мирные хозяйственные навыки делают земледельцев уязвимыми и нередко беззащитными. Много ли навоюешь с мотыгой против меча?

Как только среди археологических находок появляются мечи и любое другое клинковое оружие — то это уже точно общество принуждения, вероятно с особой воинской кастой или дружиной при вожде, то есть элитой натренированных профессионалов насилия. Мечи всегда были трудны в изготовлении и очень дороги, притом в отличие от топора, мечами рубят не дрова, а только людей. С появлением производящего сельского хозяйства и деревенского образа жизни создаются условия и для возникновения особой социальной категории людей, которые охотятся на других людей и постепенно начинают их “доместицировать”, превращать в свой тягловый и дойный “скот”.

С появлением у людей припасов, с ростом густоты населения и утратой большинством из них мобильности складывается потенциал для возникновения еще двух типов властвующей элиты — жрецов и купцов, то есть элиты господствующих идеологов и крупных экономических предпринимателей. Первобытное общество, несомненно, имело своих специалистов по посредничеству с потусторонним миром (шаманов, знахарей) и практиковало обмена на дальние расстояния ради получения каких-нибудь экзотических камней или ракушек. Но это не создавало концентрированного богатства и власти. Достаточно многие могли понемногу шаманить и что-то периодически выменивать, при этом большую часть своей жизни вынужденно оставаясь охотниками наряду со всеми. Вдобавок, общественное мнение в малых группах настойчиво побуждало особо удачливых делиться приобретенным сверх средней меры, например, устраивая славные пиры для всех. Богатство купца неизбежно влечет “охранные издержки”, то есть оплату ка-

---

¹ Выдающийся археолог-систематизатор В. Гордон Чайлд в наши дни возродился в облике молодой женщины, замечательно владеющей и материалом, и лопатой: [Ristvet, 2007].

ких-то воинов-охранников, плюс некое идеологическое освящение исключительного обладания сокровищами. Влияние жреца в целом пропорционально размеру и роскошному убранству его храма, способности раздавать милостыню в годы неурожая, и не в последнюю очередь той же страже, стерегущей храмовую роскошь и припасы и карающей последователей чуждых и “ложных” вероучений.¹

Был прямой смысл сочетать роли воина, жреца и купца в единой властной организации, имя которой государство. Это означало выход на новый эволюционный уровень, поскольку государство есть своего рода механизм, машина властных согласований и сбора информации, распоряжений и контроля за их исполнением. В свою очередь, создание такой машины предполагает наличие человеческих “винтиков”, то есть чиновников разного калибра. Как раз это очень долго не получалось у древних цивилизаций. До наступления современной индустриальной эпохи общество состояло целиком из семейных домохозяйств — в случае элит порою очень крупных, с сотнями прислужников и охранников, домашних рабов, жен и наложниц. Громадному большинству малых и слабых домохозяйств приходилось платить дань и идти в крепостную зависимость. Сильные и вооруженные семейства (будь то племенные, патрицианские или феодальные) могли претендовать на особую родовую “честь” и самостоятельность, чем регулярно и занимались. Крайне трудно найти в такой среде достаточно грамотных чиновников, которые будут за регулярное вознаграждение повседневно проводить волю хозяина. Более того, при первой возможности направленные в провинции чиновники пытаются влиться в круги местных элит, обычно буквально породнившись с ними — всякие сатрапы имели тенденцию растворяться и порождать собственные семейные кланы. Оставалось оскоплять кандидатов на ключевые должности и управлять посредством евнухов, что широко практиковалось от Китая до Византии и Арабского халифата. Но всем же не отрежешь...

Вот почему ранние империи с роковой регулярностью приходили к упадку и рушились, порождая мельтешение династий, завоеваний и темных периодов “феодалной раздробленности” на страницах учебников истории. Историческая эволюция находила замысловатые обходные пути, откуда в основном и берется локальное разнообразие цивилизаций. Проще всего для образования государства оказались географические предпосылки Древнего Египта — фактически плодородной траншеи вдоль русла Нила, зажатой между пустынями. Оттуда никому не удавалось бежать (кроме разве что евреев во главе с Моисеем, да и то с божьей помощью). Оставалось смириться и строить супер-мега-усыпальницы фараонам. В Индии впечатляющую преемственность при весьма рыхлом единстве цивилизации столетиями поддерживала жреческая каста брахманов. Это пример цивилизации на фундаменте религиозной идеологии. Китаю, благодаря конфуцианскому мандаринату и уникальной системе экзаменаций на ранг, удалось до сего дня дожить с древними иероглифами и рыночной экономикой под руковод-

---

¹ Историческая логика ранних цивилизаций блестяще анализируется в первом томе историко-социологической эпопеи Майкла Манна “Источники социальной власти” [Манн, 2017].

ством уже коммунистического нео-мандарината. Это по-своему уникальный вариант аграрной бюрократической цивилизации с мощной идеологией службы и служения, возведенной в едва ли не культ. Финикийскую морскую державу, достигшую своего пика в Карфагене, строили купцы — но что торговцы перед римскими легионами? Секрет потрясающей успешности легионов Рима как раз в том, что они стали гораздо больше, чем армией. Легионы, однако, были далеко не первой в истории настоящей армией, что, как мы сейчас увидим, немаловажно для понимания парадоксов власти.

Рационально организованная армия с дисциплинированными подразделениями, родами войск и тыловым обеспечением появилась еще как минимум в Ассирии. Судя по сохранившимся клинописным надписям и откровенно графическим изображениям на ассирийских барельефах, эта армия регулярно использовалась буквально для сдирания шкуры с завоеванных. Об этом же косвенно свидетельствует свирепая мстительность, с которой соседи и бывшие покоренные народы при первой возможности разом прикончили ассирийскую державу и, судя по некоторым следам, радостно станцевали на пепелище.¹

Здесь прослеживается важная историческая закономерность. Успешные концентрации власти в истории человечества первым делом использовались с потрясающей воображение демонстративной жестокостью и, как правило, ради строительства каких-то гигантских и в целом бесполезных объектов, призванных символизировать сам размах власти. Знаменитые египетские пирамиды строились лишь при первых династиях в эпоху Древнего Царства. Затем наступил двухвековой “темный период” восстаний-завоеваний, о котором нам известно крайне мало, потому что писать стало некому и незачем. Египетская цивилизация в силу своей уникальной географической устойчивости со временем восстановилась и неплохо просуществовала еще пару тысяч лет, но уже без прежней гигантомании. Очевидно, были извлечены какие-то уроки.

Объединивший древний Китай в 221 году до нашей эры знаменитый император-основоположник Цинь Ши-хуанди отметил массовыми садистскими репрессиями против конфуцианских книжников, обвиненных в разложенчестве и мягкотелости, а также строительством Великой китайской стены, в которую регулярно замуровывали живьем бригадиров, не выдававших дневную норму. Армия терракотовых воинов, чьи миниатюрные копии сегодня массово вывозятся из Китая в качестве туристических сувениров, как раз из раскопок гробницы Цинь Ши-хуанди. Предположительно, это портретные изображения в натуральный рост его спецвойск и комиссаров госбезопасности. Но первая китайская династия Цинь на том и закончилась, просуществовав всего 11 лет. После грандиозного восстания (что-что, а бунтовать у китайцев тоже в традициях) уже на следующие четыреста лет воцаряется гораздо более мирная династия Хань, которая восстановила конфуцианство и предусмотрительную умеренность в обращении с крестьянством. У империй явно прослеживается кривая роста самообучения.

---

¹ Так интерпретировал результаты раскопок британский археолог Макс Маллоуэн, которому помогала его жена Агата Кристи.

Наконец, у нас в Ереване гостям принято с гордостью показывать циклопические каменные стены крепости Эрбуни времен древнего царства Урарту, которое было современником и соперником Ассирийской державы. И точно так же урартские крепости внезапно сгорели в громадных пожарах — возможно, виноваты как всегда скифы, хотя под растущим подозрением и местные подвластные племена. Не менее показательны для социальной эволюции, во что Эрбуни превратили в последующий период, уже при персах-ахеменидах. Увы, тут уже гостям показывать особо нечего, да и в учебники национальной истории писать не совсем ловко. Примерно через два столетия после поглотивших Урарту пожаров руины крепости были перепрофилированы под ... цветущий сад! А что остается от сада, кроме едва различимых корневых лунок? Сад был ориентирован по частям света и обнесен прямоугольной стеной, внутри которой, судя по древним источникам, гуляли различные животные удивительной красоты — вероятнее всего, павлины и лани, но вроде бы даже ручные львы. Такие сады в Ахеменидской империи имели глубоко идеологическое значение. Они символизировали мир, мудрость, согласие и процветание под дланью Царя царей и назывались на древнеперсидском языке “парадиз”, откуда в современных западных языках слово “рай”. Сказать, что именно содержалось в этих парадизах на самом деле, очень трудно еще и потому, что участники ритуальных празднеств принимали из особой чаши какой-то растительный наркотик ради усиления райского эффекта. В центре сада стояло квадратное здание с одним-единственным входом для всех, что подчеркивало равноправие, и единственной внутренней залой с колоннами, вдоль стен которой шли глинобитные скамьи, вероятно некогда покрытые коврами. Американские археологи (и супруги) Адам Смит и Лори Хачадурьян предполагают, что в сад периодически приглашались вожди местных племен, дабы те прочувствовали мировую гармонию и собственное везение оказаться под властью такой замечательной империи.

Рим, как видим, не на пустом месте строился. Структурные ограничения при этом оставались примерно те же, что у всех древних империй. Из-за недостаточной институционализации внутренней политики, где стародавние общинные обычаи постоянно приходили в противоречие с волюнтаризмом новых амбициозных выскочек, в верхах регулярно возникал бардак. Тут уж как повезет на императора — бывали неутомимый Траян и мудрейший Марк Аврелий, а бывали Калигула и Коммод. Недоставало гражданской бюрократии. В период принципата в Риме насчитывается всего около 300 чиновников, а пресловутый Понтий Пилат правил Иудеей в качестве одного из “друзей” (amicī) императора по его личной просьбе. Чем больше археологи узнают о состоянии античных полей и угодий, тем более изумляется, до чего уже в древности могли довести экологию. При этом сам Рим с его очень немалым населением (пусть и не миллион, как повелось считать с античных времен, но все-таки наверняка не менее четверти миллиона ртов) надо было бесперебойно обеспечивать дешевым хлебом, свозившимся из провинций. Столицы всех империй практически нигде и никогда не могли обеспечивать свои потребности, зато всегда грозили бунтом черни прямо у стен дворца.

В случае Рима все эти недостатки и проблемы последовательно компенсировались армейской организацией легионов, на деле принявших на себя

административные и даже культурные функции на громадном пространстве от Аравии до Британии. Легионы не только завоевывали и захватывали рабов на продажу, но также строили по единому плану города с римскими банями и амфитеатрами, собирали налоги и служили полицией, обеспечивали проходимость дорог и пригодность портов, расселяли по всей империи колонии ветеранов, которые на свои выходные пособия (по крайней мере центурионы) повсеместно обеспечивали торговцев и мастеровых заказами на однотипные римские виллы с копиями модных скульптур и мозаик, чьи случайно дошедшие до нас единичные образцы стали теперь музейными шедеврами. Короче, легионы делали империю римской.

Русло исторических процессов извивается причудливо в зависимости от случайно возникающих оползней и обвалов, неся при этом потоком обломки прошлых достижений. Это относится и к СССР как наследнику царской империи, но также к Римской католической церкви, которая пронесла через западное средневековое наследие рациональной организации легионов. Уже в поздней империи выходцы с не-римской племенной периферии составляли значительную долю офицеров и солдат легионов. С появлением “варварских” королевств на обломках империи выживание римских патрицианских семейств, вероятно, оказалось связано с переходом в церковную иерархию — последние патриции, владевшие латынью и грамотой, обеспечили сохранение статуса и собственности, превращаясь в епископов и аббатов. Вот такой феодальный синтез в лице недавних племенных дружинников и бывших римских аристократов. Аналогичные ситуации возникали еще не раз в других районах мира, например, в Арабском халифате, где вышедшие из пустыни исламские воины-бедуины и затем уже степняки-тюрки слились с традициями месопотамской и персидской цивилизаций, или в Японии, где туземные клановые дружины постоянно получали цивилизационную подпитку от Китая.

Парадоксы капитализма

Запад обогнал всех на пути в современность в силу невероятного стечения случайностей. (История вообще полна невероятными стечениями случайностей.) Громадную роль сыграла двойная или даже тройная географическая удача. Во-первых, кочевники не доходили до крайнего запада Евразии. Во-вторых, вдобавок к достаточно разнообразному и в целом умеренному климату Западную Европу пересекает множество судоходных рек и омывают внутренние моря — Средиземное и Северное с Балтийским. Было где развивать навыки атлантического парусного судоходства, торгуя во все более промышленных масштабах зерном, лесом и железом и одновременно выходя все дальше в океан за треской и сельдью. Из-за сведения лесов и распашки пустошей под все те же благословенно-проклятые зерновые средневековым европейцам хронически недоставало животных протеинов, хотя они и постились как истовые христиане. Со временем неизбежно удалось пересечь Атлантику, по ту сторону которой оказались не один, а целая пара благодатных и практических беззащитных континентов, названных Америкой. Когда же с ростом населения, торговли и городов в Европе перезапустилось становление государств, ничего особенно изобретать не пришлось — надолго хватало римского наследия и средневековых купеческих институтов.

Но не все так скоро. В первые 150–200 лет Нового времени, в течение, как выражаются историки, “длинного XVI века” (примерно с 1450-го по 1650-й), Запад выглядел не ведущим регионом мира, а, пожалуй, даже несколько отстающим. К тому времени большая часть Евразии также выкарабкивается из своих вариантов “темного средневековья” и быстро идет к созданию нового поколения империй. Большую роль в этом играет огнестрельное оружие, наконец отбросившее кочевую угрозу, но также и множество постепенно накапливавшихся инноваций в аграрной и ремесленной технике. Первыми оказались китайцы со своими преимуществами одной из старейших и крупнейшей из непрерывно сохранявшихся цивилизаций, в итоге очередной патриотической крестьянской войны восстановившие порядок в обширной империи уже к концу XIV века. К 1500 году подоспел целый выводок исламских империй: Великие Моголы на севере Индии; Сефевиды, сделавшие с тех пор весь Иран шиитским; и турки-османы, фактически восстановившие Восточную Римскую империю в новом виде суннитского халифата. В этом же ряду, хотя и на дальней северной периферии, возникает Московское царство со своими стрельцами (скопированными очевидно с турецких янычар) и монопольной заявкой на продолжение византийской версии христианства¹. Тем временем на другом конце мира возникает еще и великая империя Бирмы, о которой у нас едва ли кто вспоминал, кроме историка-бирманиста И.В.Можейко, он же писатель-фантаст Кир Булычев².

Все эти новые империи в сравнении с историческими предшественниками имеют гораздо более жесткий военный и налогово-бюрократический каркас, все они ревниво консервативны в вопросах веры и карают ереси. И современники готовы вознести благодарственные молитвы своим разным богам, потому что стало понятно, кому молиться, потому что закончились степные нашествия и кровавые междоусобицы, наступили мир и хозяйственное возрождение под твердой деспотической дланью.

Скажите, так это Восток? Но и на Западе около того же поворотного 1500 г. династия Габсбургов выигрывает в лотерее феодальных войн, династических браков и наследств контроль одновременно над Австрией, Нидерландами, половиной Италии (где быстро сворачивается Ренессанс) и, главное, Испанией и следом Португалией со всеми их заморскими колониями. Океанский флот и лучшая на тот момент испанская пехота с аркебузами, американские драгоценные металлы, подконтрольные короне купеческие и банковские дома, и, конечно, Инквизиция. Остается только разделаться с неудобно торчащими прямо посередине французами и распространить влияние на периферийные Британские острова, северогерманские княжества и Скандинавию. А дальше вероятно двинуться на восток Европы.

---

¹ Не берусь анализировать последствия выбора православия, когда у нас есть великолепная статья Дмитрия Ефимовича Фурмана “Выбор князя Владимира” [Фурман, 1988].

² Недавно американский бирманист Виктор Либерман смог доказательно продемонстрировать, как он выражается, “странные параллели” между средневековой Бирмой и Киевской Русью (а также средневековой Японией и Англией, Сиамом и Францией). Его двухтомник под стать подвигу — ввести в научный оборот еще один самостоятельный мир, или мир-систему! [Lieberman, 2003, 2009].

Вот тут, в ответ на габсбургский проект общеевропейской католической империи и разворачивается протестантская Реформация. Дело не столько в критических идеях — они не раз высказывались до Кальвина и Лютера, но те критики неизменно кончали монастырской тюрьмой и костром. Противоречия, взорвавшиеся в протестантской фундаменталистской программе возврата к началам, заложены в самой сердцевине исторического христианства. Изначально народное движение последователей нищего и, судя по всему, неграмотного мессии, с крахом Западной Римской империи парадоксальным образом унаследовало ее организационную структуру, изоцированное письменное богословие и сам римский престол¹. Вопрос не в том, почему Лютер осмелился написать свои тезисы, а в том, почему за него вступилось с готовностью столько влиятельных современников, многие из них при деньгах и оружии².

Приходится признать то, что историки знали давно, а большинство социологов и экономистов считают основой своего мировоззрения, — Макс Вебер добросовестно заблуждался в знаменитом тезисе о протестантской этике как источнике современного капитализма и его институциональных основ. Капитализм не раз возникал в истории, но всякий раз либо оказывался в жестком подчинении правителям аграрных империй, либо погибал в многочисленных смутах. Еврейские, армянские и, с другой стороны, китайские купцы тому печальный пример.

Античный Рим был уже во многом капиталистическим предприятием, начиная со своего главного занятия — войны, ее снабжения и распоряжения добычей. Военачальники и императоры инвестировали (нередко заемные) капиталы в очередные походы, а легионеры фактически служили наемным пролетариатом [Коллинз, 2015]. Но Рим достиг географических пределов своего расширения и не смог их превзойти. Наряду с римскими организационными и техническими достижениями (те же легионы, арочное строительство, первый бетон) не менее поражает то, чего римляне так и не удосужились изобрести — не только океанский парусник, паровой двигатель и коксование угля, но и элементарную тачку на переднем колесе, или дубовую бочку, которая, между прочим, собирается из обработанных досок под обруч по тому же принципу, что и корпус океанского корабля [Андерсон, 2007]. Рим достиг экстенсивных пределов роста и завоевал все, что мог, после чего оставалось предаваться переделу собственности во внутренних интригах и гражданских войнах и обреченно оборонять границы от вооруженных орд нелегальных мигрантов.

На европейском континенте защищенный и политически самостоятельный капитализм впервые укореняется во вполне католических городах-государствах Италии эпохи Ренессанса [Арриги, 2006]. Кто, по вашему, оплачивал весь этот взлет креативности? Кого изображают статуи разнообразных кондотьеров, как не глав частных охранных предприятий на контракте у кооперативных объединений купцов и владельцев ремесленных мануфактур? И

---

¹ И снова Дм. Е. Фурман, «Идеология Реформации и ее роль в становлении буржуазного общественного сознания» [Фурман, 2011].

² Лучший на сегодня анализ религиозных войн XVI века и их непредвиденных последствий дает Ричард Лахманн [Лахманн, 2010].

кто, как не эти оседлавшие товарно-денежные потоки читтадини-буржуа-бюргеры-граждане, составляли знаменитые городские коммуны ради совместного выживания среди феодальной раздробленности и произвола?

Несколько столетий спустя центр раннего капитализма перемещается к голландским купцам, чьи города-государства стояли исключительно выгодно на краю Атлантики и таким образом у истоков первой океанской глобализации. Освоение океанских маршрутов открывает невиданные ранее рыночные возможности и создает устойчивый инвестиционный бум, из которого вскоре вырастут первая биржа и всевозможные вест- и ост-индские компании. Голландские купцы никогда не забывали о престиже высокого художественного творчества, от Босха до Рембрандта. Но в отличие от венецианцев и генуэзцев, голландцы также видели смысл много, активно и, как правило, коллективно, на паях финансировать всевозможные военные и транспортные инновации — во времена парусников с пушками эти два применения практически неотделимы. Организатор голландских побед Вильгельм I Оранский впервые с римских времен возродил строевую подготовку, в новых условиях использовавшуюся для организованного перезаряжания фитильных ружей и залпов по команде¹. Европейский капитализм Нового времени состоялся, потому что смог первым делом интернализировать свои охранные издержки, то есть сам себя защитить.

Голландцы, как некогда и их итальянские предтечи, начинаются тяготиться поборами и деспотизмом католической церкви и императора. Одновременно очень бы хотелось отучить простолюдинов столько пить по многочисленным церковным праздникам и вообще отлынивать от работы. Протестантизм тут пришелся как нельзя кстати — и для общей дисциплины рабочей силы, и в противостоянии империи с ее инквизицией². Благодаря же океанским кораблям, пушкам и капиталам, голландцам очень даже было чем отомстить за “пепел Клааса”.

И все-таки Макс Вебер был прав, указывая на важность религий в становлении капитализма, с одной коренной поправкой — не столько духовных представлений, сколько материальной организации религий. Средневековая католическая церковь унаследовала от античного Рима рациональную организационную матрицу, из которой со временем выросла покрывавшая весь запад феодальной Европы сеть формальных структур управления диоцезами, епископствами, университетами и, главное, богатыми монастырями. Задолго до протестантского пуританизма уже средневековые монастыри столкнулись с парадоксом организованного благочестия, неким “чудом” обернувшегося самовозрастающим богатством. В ходе своей многосторонней хозяйственной деятельности монастыри непредвиденно и неуклонно превращались, по сути, в первые капиталистические корпорации³.

---

¹ И еще одна великая классическая работа: Уильям Мак-Нил, “В погоне за мощью. Технология, вооруженная сила и общество в XI–XX веках” [Мак-Нил, 2008].

² Старая классика здесь — это “О процессе цивилизации” Норберта Элиаса [Элиас, 2001]. Недавние достижения суммирует Филип Горски [Gorski, 2003].

³ Наряду с захватывающим детективным поиском семиотических смыслов, попробуйте перечитать роман Умберто Эко “Имя розы” как описание экономической корпорации.

Эта тенденция наблюдается не только в христианстве. Буддийские монастыри средневекового Китая и Японии некогда разбогатели столь скандально и соблазнительно, что в конце концов их конфисковали в пользу императорской казны. Но при этом бывшие монахи и служки, спасаясь от преследований, переходили на службу государству вместе со своими ценными коммерческими знаниями либо растворялись в городах и поселках, где основывали собственный бизнес. Поищите, к примеру, в интернете, с чего начиналась японская корпорация “Сумитомо”, одна из старейших в мире. У восточноазиатского капитализма есть свои глубокие корни [Коллинз, 2015].

Нечто подобное происходило с церковью и в Европе в ходе Реформации и вызванной ею с католической стороны Контрреформации. Только результатом стала не единая аграрно-рыночная империя, как в Китае и Японии, а целый ряд соперничающих национальных государств. Церковные привилегии и значительная часть грамотного персонала были так или иначе прибраны на службу короне. Церковные же владения были большей частью приватизированы по ходу распродаж в счет очередного временного погашения хронических долгов казны. В ходе западноевропейских религиозных войн XVI века, вдобавок к подвозу колониального серебра и товаров, в широкий оборот поступили как инвестиционные землевладения вместе со всяческими мельницами и пивоварнями, так и масса безработных клириков, годных стать и чиновниками, и торговыми клерками. Бывший религиозный персонал, ныне освободившийся от обета безбрачия, то есть символического оскопления, стал волен законно плодить следующие поколения клерков, писарей, законников, учителей и докторов. (А в перспективе также публицистов и революционеров.) С Реформацией в Западной Европе произошло насыщение социальной среды потенциальными служителями и сотрудниками государственной власти, чего так недоставало древним империям.

Пожалуй наиболее важный и просто удивительный итог бурного и кровавого Долгого шестнадцатого века, что закончился он вничью. Однозначной победы не добились ни католики, ни протестанты; ни испанская, французская и не английская корона; ни помещики, не горожане и не крестьяне. При этом крестьяне — громадное большинство в аграрном обществе — в ходе взаимоистребления элит стали сами собой освобождаться и превращаться в коммерческих фермеров, рабочих-отходников, наемных солдат и матросов, а также в колонистов, уплывавших в Америки.

Важнейшим следствием этого оказался рост стоимости рабочей силы на северо-западе Европы, прежде всего в Нидерландах и Англии, что в свою очередь сделало коммерчески выгодным замещение ручного труда изобретением станков и паровых машин [Аллен, 2013]. Начиналась индустриальная революция, означавшая, что капитализм отныне интернализировал и производственные издержки. Ранние капиталисты были все-таки торговцами и банкирами, оперировавшими в мире, где все материальное производство было еще аграрным и кустарно-ремесленным. В новую же эпоху стало выгодно переключиться от оборота к производству.

Также удивительно, сколь быстро во второй половине XVII века в Европе вдруг разразился мир и наступило охлаждение к религии. Очевидно, все устали после полутора столетий жутких и в итоге ничейных войн. Войны и молебны, конечно, продолжались, но теперь без особого пыла и более ритуально. Секуляризация распространяется почти за столетие до эпохи Про-

свещения, так что Вольтер и вольтерьянцы тут не зачинщики, а проводники возникшего задолго до них тренда.

Оставалось политически оформить позиционный тупик в компромиссных институтах парламентаризма, международной дипломатии, монаршей толерантности, судебного права и освящения собственности (добытой в распрях недавнего проклятого прошлого). Вскоре стало возможным намного более свободно заняться развитием наук, тем более, что поток технических усовершенствований в войнах, на рынках и в престижном соперничестве королевских дворов наглядно доказывал важность науки для экономики и государственных интересов.

Великие империи Востока также знали периоды бурного хозяйственного роста, религиозной толерантности, дальних путешествий, изобретательства и поощрения наук. В Багдаде некогда был легендарный халиф Гарун ар-Рашид, правивший, кстати, почти одновременно с Карлом Великим. В Китае в славные времена династии Сун — где-то с 960 года и до монгольского нашествия — похоже, успели изобрести практически все, чем потом европейцы покоряли мир: порох, компас, корабельный руль, легированную сталь, бумагу и бумажные деньги, книгопечатание. Буддийские монастыри уже тогда выпускали разнообразие брэндов чая, хлопковой и шелковой ткани. Япония в XVII веке практически одновременно с Западом подошла к порогу современного индустриального роста. Но вместо скачка и мировой экспансии, Япония, ровно наоборот, замкнулась в своих островных пределах на два столетия и предалась, надо сказать, довольно комфортной и даже эстетически изысканной мирной стагнации под властью сёгуна Токугава. Социальная эволюция упорно искала пути усложнения человеческих обществ и технологической интенсификации. Но что-то блокировало капитализм на Востоке, а что именно — предмет затяжных и сложнейших научных дискуссий¹.

В итоге мировое преобладание достается Западу вопреки, а возможно, и благодаря множеству его внутренних противоречий. После вынужденного перерыва в конце XVI — начале XVII веков западные государства и частные капиталистические компании возобновляют колониальные захваты теперь уже не только в обеих Америках, а по всему миру — благо европейцы на своем беспокойном континенте к началу Нового времени поднаторели в передовых методах войны, мореплавания и торговли². Запад делается экономическим и технологическим, а затем и политическим центром мир-системы модерна. Прочие регионы волей-неволей включаются в мировое разделение труда преимущественно в качестве сырьевой периферии³.

Очередной эволюционный парадокс. Модернизация в глобальном плане означала одновременный и притом взаимообусловленный рост свободы

---

¹ Лучший обзор этих дискуссий дает Джек Голдстоун (см.: [Голдстоун, 2014]).

² Джаред Даймонд на самом общем уровне прав в своем популярном гео-экологическом объяснении преимуществ Евразии, однако и сам признает, что теория подобного размаха не может объяснить исторический прорыв именно крайнего запада Евразии [Даймонд, 2009].

³ Что бы ни писали следующие моде рецензенты, сильнейшей работой на сей счет остается четырехтомник Иммануила Валлерстайна “Мир-система модерна” [Валлерстайн, 2014–2016].

и несвободы. В центральной зоне, или в “ядре” мир-системы модерна, наблюдается концентрация квалифицированного дорогого труда (мирного и военного) и, соответственно, гражданских гарантий и политических свобод¹. В то же самое время на периферии распространяется низкотехнологичный дешевый труд, который нет смысла замещать дорогими машинами и который вовсе не предполагает политических свобод, а ровно напротив. В таких зонах с приходом модерна возникает и закрепляется на многие поколения социально-экономическая отсталость [Райнерт, 2011.]. Там же консервируются грубо принудительные способы контроля над рабочей силой, всевозможные разновидности крепостничества и рабства. Они могли быть местными, но резко усиливались мировым рыночным спросом на дешевое сырье. А могли и быть завезены из передовой Европы, как плантационное рабство — в Америку².

Однако за пределами Запада некоторые государства смогли в конце XIX — начале XX веков избежать превращения в периферию ценой собственного превращения в агрессивных модернизаторов. Строго говоря, подлинно успешных примеров такого рода всего два, причем культурно столь разных, как Япония и Российская империя.

Надеюсь, мы таким образом получили основания к более ответственному анализу истоков и значения Советской революции. Анализ происшедшего в 1905–1945 годах в нашем районе мира, представляется мне важнейшей и теперь выполнимой исследовательской задачей.

Источники

Аллен, Р. (2013). *Глобальная экономическая история: краткое введение*. Москва: Издательство Института Гайдара.

Андерсон, П. (2007). *Переходы от античности к феодализму*. Москва: Территория будущего.

Арриги, Дж. (2006). *Долгий двадцатый век: деньги, власть и истоки нашего времени*. Москва: Территория будущего.

Валлерстайн, И. (2016а). *Мир-система модерна*, в 4-х тт., т. 1: Капиталистическое сельское хозяйство и истоки европейского мира-экономики в XVI веке. Москва: Русский фонд содействия образованию и науке.

Валлерстайн, И. (2016б). *Мир-система модерна*, в 4-х тт., т. 2: Меркантилизм и консолидация европейского мира-экономики, 1600–1750. Москва: Русский фонд содействия образованию и науке.

Валлерстайн, И. (2016с). *Мир-система модерна*, в 4-х тт., т. 3: Вторая эпоха великой экспансии капиталистического мира-экономики, 1730–1840-е годы. Москва: Русский фонд содействия образованию и науке.

Валлерстайн, И. (2016д). *Мир-система модерна* в 4-х тт., т. 4: Триумф центристского либерализма, 1789–1914. Москва: Русский фонд содействия образованию и науке.

---

¹ Наиболее убедительное исследование формирования современных демократий Запада дает Чарльз Тилли (см.: [Тилли, 2009]).

² Данный парадокс на примере западной текстильной промышленности, первой отрасли сплошной индустриализации, чей громадный спрос на хлопок обернулся в колониях распространением плантационного рабства, подробно описывается в недавнем бестселлере гарвардского экономического историка Свена Беккерта [Beckert, 2014].

Валь, Ф. де. (2014). *Политика у шимпанзе: Власть и секс у приматов*. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики.

Голдстоун, Дж. (2014). Почему Европа? Возвышение Запада в мировой истории, 1500–1850. Москва: Издательство Института Гайдара.

Даймонд, Дж. (2009). Ружья, микробы и сталь: Судьбы человеческих сообществ. Москва: АСТ.

Дробышевский, С. (2017а). *Достающее звено*, в 2-х кн.; кн. 1: Обезьяны и все-все-все. Москва: Corpus.

Дробышевский, С. (2017b). *Достающее звено* в 2-х кн., кн. 2: Люди. Москва: Corpus.

Коллинз, Р. (2015а). Азиатский путь к капитализму. В: Р. Коллинз, *Макроистория: очерки социологии большой длительности*. Москва: URSS.

Коллинз, Р. (2015b). Рыночная динамика как движущая сила исторических изменений. В Р. Коллинз, *Макроистория: очерки социологии большой длительности*. Москва: URSS.

Лахманн, Р. (2010). Капиталисты поневоле: конфликт элит и экономические преобразования в Европе раннего Нового времени. Москва: Территория будущего.

Мак-Нил, У. (2008). В погоне за мощью. Технология, вооруженная сила и общество в XI–XX веках. Москва: Территория будущего.

Манн, М. (2018а). *Источники социальной власти*, в 4-х тт., т. 2: Становление классов и наций-государств, 1760–1914 годы. Москва: Издательский дом “Дело” РАНХиГС (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации).

Манн, М. (2018b). *Источники социальной власти*, в 4-х тт., т. 4: Глобализации, 1945–2011. Москва: Издательский дом “Дело” РАНХиГС.

Райнерт, Э. (2011). Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики.

Тилли, Ч. (2009). Принуждение, капитал и европейские государства, 990–1992 гг. Москва: Территория будущего.

Фурман, Д. Е. (1988). Выбор князя Владимира. *Вопросы философии*, 6, 90–104.

Фурман, Д. Е. (2011). Идеология Реформации и ее роль в становлении буржуазного общественного сознания. В: Д. Е. Фурман, *Избранное* (с. 41–109). Москва: Территория будущего.

Элиас, Н. (2001а). *О процессе цивилизации: Социогенетические и психогенетические исследования*, в 2-х тт., т. 1: Изменения в поведении высшего слоя мирян в странах Запада. Москва: Университетская книга.

Элиас, Н. (2001b). *О процессе цивилизации: Социогенетические и психогенетические исследования*, в 2-х тт., т. 2: Изменения в обществе. Проект теории цивилизации. Москва: Университетская книга.

Beckert, S. (2014). *Empire of Cotton: A New History of Global Capitalism*. New York: Vintage Press.

Boehm, C. (2001). *Hierarchy in the Forest: The Evolution of Egalitarian Behavior*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Flannery, K., Marcus, J. (2012). *The Creation of Inequality: How Our Prehistoric Ancestors Set the Stage for Monarchy, Slavery and Empire*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Gorski, P. S. (2003). *The Disciplinary Revolution: Calvinism and the Rise of the State in Early Modern Europe*. Chicago, IL: University of Chicago Press.

Lieberman, V. (2003). *Strange Parallels: Southeast Asia in Global Context c. 800–1330*, in 2 vol., vol. 1: Integration on the Mainland. Cambridge, UK: Cambridge University Press.

Lieberman, V. (2009). *Strange Parallels: Southeast Asia in Global Context, c. 800–1330*, in 2 vol., vol. 2: Mainland Mirrors: Europe, Japan, China, South Asia, and the Islands. Cambridge, UK: Cambridge University Press.

Ristvet, L. (2007). *In the Beginning: World History from Human Evolution to the First States*. New York: McGraw-Hill.

Scott, J. (2017). *Against the Grain: A Deep History of the Earliest States*. New Haven, CT: Yale University Press.

Sterelny, K. (2012). *The Evolved Apprentice: How Evolution Made Humans Unique*. Cambridge, MA: The MIT Press.

Материал получен 10.04.2018

References

Allen, R. (2013). *Global Economic History: A Very Short Introduction*. [In Russian]. Moscow: Gaidar Institute Press. [= Аллен 2013]

Anderson, P. (2007). *Passages from Antiquity to Feudalism*. [In Russian]. Moscow: Territoria budushchego (A Territory of the Future). [= Андерсон 2007]

Arrighi, G. (2006). *The Long Twentieth Century. Money, Power, and the Origins of Our Times*. [In Russian]. Moscow: Territoria budushchego (A Territory of the Future). [= Арриги 2006]

Beckert, S. (2014). *Empire of Cotton: A New History of Global Capitalism*. New York: Vintage Press.

Boehm, C. (2001). *Hierarchy in the Forest: The Evolution of Egalitarian Behavior*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Collins, R. (2015a). An Asian Route to Capitalism. [In Russian]. In R. Collins, *Macrohistory: Essays in Sociology of the Long Run*. Moscow: URSS. [= Коллинз 2015]

Collins, R. (2015b). Market Dynamics as the Engine of Historical Change. [In Russian]. In: R. Collins, *Macrohistory: Essays in Sociology of the Long Run* (pp. 304–354). Moscow: URSS. [= Коллинз 2015]

Diamond, J. (2009). *Guns, Germs, and Steel: The Fates of Human Societies*. [In Russian]. Moscow: AST. [= Даймонд 2009]

Drobyshevskii, S. (2017a). *The Filling Link*, in 2 books, book 1: Apes and Everybody Else. [In Russian]. Moscow: Corpus. [= Дробышевский 2017]

Drobyshevskii, S. (2017b). *The Filling Link* in 2 books, book 2: Humans. [In Russian]. Moscow: Corpus. [= Дробышевский 2017]

Elias, N. (2001a). *Über den Prozess der Zivilisation*, 2 Bde., Bd. 1: Wandlungen des Verhaltens in den weltlichen Oberschichten des Abendlandes. [In Russian]. Moscow: Universitetskaia kniga (University Book). [= Элиас 2001a]

Elias, N. (2001b). *Über den Prozess der Zivilisation*, 2 Bde., Bd. 2: Wandlungen der Gesellschaft. Entwurf zu einer Theorie der Zivilisation. [In Russian]. Moscow: Universitetskaia kniga (University Book). [= Элиас 2001b]

Flannery, K., Marcus, J. (2012). *The Creation of Inequality: How Our Prehistoric Ancestors Set the Stage for Monarchy, Slavery and Empire*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Furman, D. Ye. (1988). Prince Vladimir's Choice. [In Russian]. *Problems of Philosophy*, 6, 90–104. [= Фурман 1988]

Furman, D. Ye. (2011). The Ideology of Reformation and Its Role in Shaping the Bourgeois Social Consciousness. [In Russian]. In: D. Ye. Furman, *Selected Works* (pp. 41–109). Moscow: Territoria budushchego (A Territory of the Future). [= Фурман 2011]

Goldstone, J. (2014). *Why Europe? The Rise of the West in World History, 1500–1850*. [In Russian]. Moscow: Gaidar Institute Press. [= Голдстоун 2014]

Gorski, P. S. (2003). *The Disciplinary Revolution: Calvinism and the Rise of the State in Early Modern Europe*. Chicago, IL: University of Chicago Press.

Lachmann, R. (2010). *Capitalists in Spite of Themselves: Elite Conflict and Economic Transitions in Early Modern Europe*. [In Russian]. Moscow: Territoria budushchego (A Territory of the Future). [= Ляхманн 2010]

Lieberman, V. (2003). *Strange Parallels: Southeast Asia in Global Context*, in 2 vol., vol. 1: Integration on the Mainland. Cambridge, UK: Cambridge University Press.

Lieberman, V. (2009). *Strange Parallels: Southeast Asia in Global Context*, in 2 vol., vol. 2: Mainland Mirrors: Europe, Japan, China, South Asia, and the Islands. Cambridge, UK: Cambridge University Press.

Mann, M. (2018a). *The Sources of Social Power*, in 4 vol., vol. 2: The Rise of Classes and Nation-States, 1760–1914. [In Russian]. Moscow: Delo Publishers of the RANEPА (The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration). [= Манн 2018a]

Mann, M. (2018b). *The Sources of Social Power*, in 4 vol., vol. 4: Globalisations, 1945–2011. [In Russian]. Moscow: Delo Publishers of the RANEPА. [= Манн 2018b]

McNeill, W. H. (2008). *The Pursuit of Power: Technology, Armed Force, and Society Since A. D. 1000*. [In Russian]. Moscow: Territoria budushchego (A Territory of the Future). [= Мак-Нил 2008]

Reinert, E. (2011). *How Rich Countries Got Rich... and Why Poor Countries Stay Poor*. [In Russian]. Moscow: Higher School of Economics Publishing House. [= Райнерт 2011]

Ristvet, L. (2007). *In the Beginning: World History from Human Evolution to the First States*. New York: McGraw-Hill.

Scott, J. (2017). *Against the Grain: A Deep History of the Earliest States*. New Haven, CT: Yale University Press.

Sterelny, K. (2012). *The Evolved Apprentice: How Evolution Made Humans Unique*. Cambridge, MA: The MIT Press.

Tilly, C. (2009). *Coercion, Capital and European States, AD 990–1992*. [In Russian]. Moscow: Territoria budushchego (A Territory of the Future). [= Тилли 2009]

Waal, F. de (2014). *Chimpanzee Politics: Power and Sex Among Apes*. [In Russian]. Moscow: Higher School of Economics Publishing House. [= Валь 2014]

Wallerstein, I. (2016a). *The Modern World-System*, in 4 vol., vol. 1: Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century. [In Russian]. Moscow: Russian Foundation for Education and Science. [= Валлерстайн 2016a]

Wallerstein, I. (2016b). *The Modern World-System*, in 4 vol., vol. 2: Mercantilism and the Consolidation of the European World-Economy, 1600–1750s. [In Russian]. Moscow: Russian Foundation for Education and Science. [= Валлерстайн 2016b]

Wallerstein, I. (2016c). *The Modern World-System*, in 4 vol., vol. 3: The Second Era of Great Expansion of the Capitalist World-Economy, 1730–1840s. [In Russian]. Moscow: Russian Foundation for Education and Science. [= Валлерстайн 2016c]

Wallerstein, I. (2016d). *The Modern World-System*, in 4 vol., vol. 4: Centrist Liberalism Triumphant, 1789–1914. [In Russian]. Moscow: Russian Foundation for Education and Science. [= Валлерстайн 2016d]

Received 10.04.2018